

12 июня, в День России, Президент РФ Владимир Путин вручил в Кремле Госпремии РФ за 2013 год

Лучшими в области литературы и искусства признаны музыкант и дирижер Юрий Башмет – за вклад в развитие отечественной и мировой культуры; писатель Фазиль Искандер – за вклад в развитие отечественной литературы; создатели художественного фильма «Легенда №17» – Леонид Верещагин, Антон Златопольский и Николай Лебедев.
Редакция «СВ» поздравляет лауреатов!

ФОТО ГРИГОРИЯ СЫСЕВАИТАР-ТАСС

Фазиль ИСКАНДЕР:
 – Совесть есть, друзья, реальность Бога, И реальность совести есть Бог.

ФОТО СЕРГЕЯ БОБЫЛЕВАИТАР-ТАСС

Николай ЛЕБЕДЕВ, режиссер фильма «Легенда №17»:
 – Валерий Харламов – один из символов нашей страны, нашей эпохи. Для меня его история во многом метафора.

ФОТО РУСЛАНА ШАМКОВИТАР-ТАСС

Юрий БАШМЕТ:
 – Музыка есть некий язык, в котором я могу себя выразить много полнее, чем в словах и в поведении.

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Пейзаж чудовищной картины...

Гран-при 25-го юбилейного «Кинотавра» получил фильм Александра Котта «Испытание», снятый в духе немого кино. В дни фестиваля режиссер ответил на вопросы «СВ».

– Александр, что подвигло вас в наше говорливое время снять немой фильм? Не антураж ли степи, полной своих собственных звуков?
 – Снять кино без слов я мечтал всю жизнь. Ничего удивительного, кино было изобретено без звука, и в этом смысле я хотел соблюсти чистоту жанра. Попробовать рассказать историю без слов, в которой зрителям было бы все понятно, и было бы ощущение, что герои разговаривают. Поэтому я искал говорящую натуру.
 – А возникли ли у вас другие сюжеты для немого фильма?
 – Знаете, я же снял много короткометражных фильмов без слов – «Великаны», «Путало», «Я-ба», «Фотограф», сюжеты были самые разные. А здесь по стечению обстоятельств появилась возможность снять без звука полнометражное кино, это совсем другое дело. Продюсер так и сказал: делай что хочешь, и я этим воспользовался. Я предло-

жил красивую фактуру – казахская степь, домик, в котором живут двое – отец и дочь. В соседнем селе живут два влюбленных в девушку кавалера, местный парень и русский фотограф. Постепенно выясняется, что все эти люди живут вблизи полигона, где проводятся испытания, связанные с радиацией. И заканчивается все трагически.
 – Известно, что фильм на эту тему – настоящий блокбастер – начинала снимать совсем другая команда, но по финансовым причинам проект был закрыт. Осталось ли что-то общее с тем проектом в вашей картине?
 – Нет никакой связи, у нас новое кино. Новый сценарий, кастинг, новая история, новое место съемок. Главное в том, что наше кино не про взрывы. Если бы мы хотели снимать про взрывы, их было бы гораздо больше в фильме. Реально у нас показана история любви на фоне ядерного взрыва. Мне хотелось донести до зрителей простую мысль: что все

наши безумные страсти, яркие переживания, интересные события – ничто по сравнению с тем, что однажды может появиться ядерный гриб и смести всю нашу жизнь за одну секунду.
 – С какой внутренней установкой вы снимали немое кино? Какие возможности открывает перед режиссером эта условность? Как вы работали с актерами, что отличало вашу работу от всех предыдущих?
 – Так как бессловесное кино – это изображение, оно должно было говорить. Я выбирал интересные, говорящие лица, глядя на которые, понимаешь, о чем человек думает. Фактура тоже должна была быть говорящей: степь, маленький домик, полукруг двор – все это подчеркивало одиночество персонажей. И пейзажи должны были быть говорящими. Снимали мы в Крыму, под Феодосией. Внимание всех я фокусировал, как это ни странно, на цвете: красный создавал агрессивное жесткое настроение, теплые, желтоватые тона символизировали спокойствие, а тревогу передавали холодные синие блики. Цвет у нас полноценно работал на то, чтобы история

прозвучала как можно более эмоционально.
 – После показа вашего фильма со всех сторон слышишь: «До чего красива степь!..» А я всегда считала, что степь не может быть красивой.
 – Может.
 – Поясните про ядерный взрыв, широкая публика до сих пор мало что знает про это.
 – Как известно, в 1949 и 1953 годах на полигоне под Семипалатинском, в огороженной зоне, проводились испытания водородной бомбы. Никто не мог и предположить, каковы будут последствия ядерного взрыва, уровень радиации, как поведет себя волна, поэтому в 1949 году людей не отселяли и ни о чем не предупреждали. Конечно, многие погибли. Рассказывают, что самолет, который совершал испытательный полет и фотографировал происходящее, прошел прямо сквозь гриб... Перед испытаниями 1953 года были предприняты усилия по эвакуации людей. В нашем фильме отец девушки каждый день на грузовике ездит на работу в эту зону, плохо представляя себе, что это за место. И однажды по недомыслию

крадет для хозяйства костыли, за которыми из зоны тут же приезжают, поскольку они радиоактивны. Отец девушки умирает первым...
 – Скажите, когда вы слышите слово «Казахстан», какие ассоциации у вас возникают?
 – Степь.
 – Вы раньше бывали в Казахстане?
 – Нет, впервые приехал, когда искал натуру.
 – Были ли у вас во время съемок ассоциации с Хиросимой или концом света?
 – Нет. Мы смотрели много хроники – и нашей, и американской, снимали испытания очень качественно. И это завораживало: красивые кадры, на которых медленно поднимается земля. В стихотворении точно сказано: «Пейзаж чудовищной картины мой взгляд очаровал...» А конец света у нас в головах. Дат не существует, трудно сказать, сколько их мы уже пережили. К фильму Триера о конце света отнестись очень хорошо, он мне нравится, возбуждает эмоции. А свой фильм называю чистой водой экспериментам.
 – Где вы нашли актеров?
 – Актера, который сыграл

отца, зовут Карим Пакачанов, недавно он снялся у Алексея Германа. Героиню искали и в Казахстане, и в диаспоре, а нашли в московской школе. Молодых героев играют выпускник Школы-студии МХТ и студент ГИТИСа.
 – Надеетесь увидеть фильм в прокате?
 – Нет, конечно. Разве вы не знаете, что зритель ходит в кинотеатр развлекаться и не будет платить деньги за немое кино? На фестивали наверняка будут показывать.
 – Будете ли снимать что-то подобное еще?
 – В смысле формы – с удовольствием. Очень интересная для режиссера задача. Подумать только – рассказать историю без слов!...
 – Задумываетесь ли вы когда-либо на темы интеграции? Странства Союзаного государства? Евразийского экономического Союза, в котором одну из главных скрипок будет играть Казахстан?
 – Союз – это всегда хорошо, это дружба.

Нина КАТАЕВА
 Сочи – Москва

Владимир КЛИМОВ:

Зритель смотрит глазами оператора

Владимир Климов, оператор-постановщик культового фильма Павла Чухрая «Вор», номинировавшегося на «Оскар» и «Золотой глобус», получившего Золотую медаль сената Венеции и признанного лучшим фильмом 1998 года в России, один из немногих российских кинематографистов, кого приглашали работать в Америку.

Всего Владимиром Климовым, членом киноакадемии «Золотой орел» и «Ника», Евразийской академии телевидения и радио, народным артистом России, лауреатом премий «Золотой орел» и ТЭФИ, снято более 40 фильмов. В том числе «26 дней из жизни Достоевского», «Яды, или Всемирная история отравлений», «Всадник по имени Смерть», «Шик», сериалы «Брежнев», «Ленинград», «Дело гастронома № 1».

Среди новых фильмов, снятых Климовым, – «Собачий рай» Анны Чернаковой, ждущий завершения «Главный конструктор» Юрия Кары. Сейчас оператор вместе с Мурадом Алиевым снимает фильм «Со дна вершины» – о горнолыжнике, ставшем инвалидом, но сумевшем преодолеть себя и достичь новых высот на Паралимпиаде.

– Владимир Михайлович, как все-таки делится сфера влияния в тандеме «режиссер – оператор»?

– Как-то так складывалось, что мне выпадало счастье работать с очень хорошими режиссерами. А по поводу того, кто главный, Савва Кулиш шутил, что на площадке побеждает тот, кто сильнее биологически.

– Вы согласны, что «Вор» – самая яркая ваша картина, фильм так задел за живое зрителя?

– Она самая признанная. И в ней есть магия, каждый раз, когда картину показывают по телевизору, смотрю ее до конца – она меня втягивает. Картина была

для нас принципиальной, потому что снималась в середине 90-х, когда кинематограф находился в плачевном состоянии. На «Мосфильме» была пустота, никто не снимал, и только мы работали в 8-м павильоне. У нас было желание доказать, что кино живо и мы обязательно победим.

– С каким ощущением вы работали над сериалом «Дело гастронома № 1»? Расстрел директора Елисеевского гастронома Соколова в начале 80-х стал разбором с человеком, по сути, невинным.

– Действительно, наказание было неадекватным. В современной ситуации это был бы эффективный менеджер, он умен поставит дело, прекрасно руководил огромным торговым центром. Соколов снабжал элиту отменными продуктами по весьма сложным схемам. Самое смешное, когда его арестовали, выяснилось, что денег-то у него немало, свою прибыль он отдавал на развитие производства.

– Скажите, когда вы снимаете новый фильм, думаете о том, что хорошо бы попасть с ним на фестиваль класса «А»?

– Об этом нельзя думать, надо честно делать свое дело, а небеса распорядятся, чему быть. По своим товарищам-кинематографистам знаю: кто пытается сделать картину на «Оскар» или для Канн, никогда не получает призов. И потом, как ни странно, международные призы на фестивалях почему-то сильно зависят от политической ситуации. Думаю, что

Владимир Климов и Анна Чернакова на съемках фильма «Со дна вершины»

«Вор», с которым мы номинировались на «Оскар», мог бы получить его, если бы на дворе не стоял 98-й год, крайне тяжелый для России.

– А вы признаете само понятие «фестивального кино»?

– Думаю, в России оно выдуманно, потому что в Европе существует зрительское кино и арт-кино, которое показывают в специальных кинотеатрах. А у нас прокатчики, как черт от ладана, бегают от картин, не похожих на жвачку, которой кормят всех.

– Что глобального происходит с нашим кино на данный момент?

– Все переходит на цифру. Фирма «Кодак» обанкротилась, но на самом деле, думаю, пленка уйдет лишь как массовое явление. Для носителей арт-хаусных фильмов, где требуется ощущение запаха и воздуха, а также для производства блокбастеров пленка останется. Сколько ни общаюсь со специалистами, убеждаюсь, что выше пленки по качеству изображения, по ощу-

щениям, по пластике носителя пока нет, хотя цифровое кино развивается энергично и обязательно придет к совершенству. Но на сегодня это изображение более плоское, в нем нет глубины и объема. Что касается моего отношения к 3D, как-то на мастер-классе я сказал, что, с моей точки зрения, двухмерная плоскость экрана дает большее ощущение искусства, чем трехмерное зрелище, создающее ощущение балагана, все-таки искусства больше там, где преобладает условность.

– Каково ваше кредо как оператора, кто благословил вас на эту профессию?

– Моим педагогом во ВГИКе был Борис Волчек, а своим духовным учителем считаю Сергея Урусевского. Так сложилось, что мы познакомились с ним под Тверью, на съемках фильма Родина НахАПегтова. И в течение трех месяцев мы общались с Урусевским. Я тогда экспериментировал с ручной камерой, сам придумывал упражнения и даже

осмелился ему что-то про это рассказывать. Сергей Павлович тоже показывал мне свои секреты, и это очень помогло мне в жизни. Так что могу сказать, что мою руку «ставил» Урусевский.

Это был уникальный кинооператор, мировой гений. Он на несколько десятилетий вперед продвинул кинооператорское искусство. Весь кинематограф того времени был ориентирован на голливудскую продукцию – картинку с чудесным освещением, гламур 30-50-х. С одной стороны, вроде достигли совершенства, но пространства для эмоциональности киноизображения не хватало. И Урусевский, художник по образованию, внес в это искусство элементы своей, особой живописи. Вспомните фильм «Сорок первый», это уже совершенно другое цветное кино, это – живые картины. В кинематографе такое появилось впервые. Урусевский сознательно переводил реальность в произвольный зрительный, эмоциональный

ряд. И операторы многое позаимствовали у Сергея Павловича.

Но главным было то, что Сергей Урусевский с Михаилом Калатозовым сделали на фильме «Летят журавли». Это был взрыв экрана. То есть изображение перестало быть картиной на плоскости, оно перенеслось в зал и обрело такой эмоциональный накал, что зритель оказался втянутым внутрь него. Он видел все глазами оператора.

– А Голливуд отреагировал?

– Конечно. От своего гламура они нигуда не ушли, но по сей день во всем мире продолжают поиски способов освобождения камеры. Все современные кинотехники мечтают сделать легкой и малоподвижную камеру невесомой. Когда на выставках в Мюнхене или Москве видишь результаты этих поисков, понимаешь, что камеру пытаются приблизить к восприятию человеческого глаза. К той стремительности, с которой он реагирует на все, фокусируясь на каких-то элементах, перебрасываясь с одного на другое.

– Федерико Феллини сказал, что «кино – это свет». Вы с этим согласны?

– Во многом да. Деньги за кино приносит актеры. Но если бы они не находились на экране в такой привлекательной среде, которая создана оператором и художником, успеха бы не было. Кинематограф – искусство изображения, но, к сожалению, именно искусство в изображении утрачивается. Я не говорю о том, что кинематограф – прежде всего искусство идеи, это уходит совсем. Почему-то все думают, если все мелькает, камера носит-ся туда-сюда, вверх-вниз, стереозвук оглушает, то это круто. На самом деле круто, когда человеческая история затрагивает наши чувства.

Беседовала
Вера ДЕМИДОВА

ПРАЗДНИК

Большой семьи гармония

В Гродно состоялся 20-й Республиканский фестиваль национальных культур.

Фестиваль над Неманом проводится раз в два года и охватывает всю Беларусь. Длится он беспрерывно. Отборочные туры проходят по всем регионам, включая небольшие деревушки. Лучшие коллективы представляют свои диаспоры в Гродно на заключительном этапе фестиваля.

Гродненщина – самый небольшой регион Беларуси, но самый богатый по этноконфессиональной палитре. Здесь проживают представители 92 национальностей, и каждый третий житель относится к не титульной нации, однако меньшинством, как и во всей Беларуси, себя никто не чувствует. Чтобы приобщиться к атмосфере национального единства, на праздник в Гродно приезжают и из дальнего зарубежья. В этом году было более 900 участников, 1500 гостей, а зрителей и болельщиков и не сосчитать.

В традиционном шествии по улицам города его прошли представители 26 национальных культпросветобъединений. Гродненцы тепло встречали как самые многочисленные диаспоры – русскую, польскую, украинскую, литовскую, так и представляемые всего одним человеком – таджикскую и турецкую. «Растрогала искренняя атмосфера праздника», – сказала гостья с Алтая София Антоненко. – Люди не разучились радо-

было попробовать «кусочек Грузии» – хозяева подворья испекли 20-килограммовый торт, повторяющий очертания исторической родины, украинцы угощали варениками, белорусы – драниками... Национальные подворья соседствовали с двумя городами мастеров.

Русское подворье было одним из самых больших.

– Свыше 100 человек представили русскую национальную кухню, кулинарные блюда приготовили лучшие повара. Приятно, что на нашем подворье гости задерживались подолгу, – поделился впечатлением председатель Гродненского отделения Республиканского объединения «Русское общество» Игорь Лякишев.

Концертные программы не смолкали до глубокой ночи – Лев Лещенко, группы «Ласковый май» и «Винтаж». На третий день состоялся праздник национального юмора «Гродно – Москва – транзит» с участием российских артистов.

В дни юбилейного фестиваля свершилось то, чего гродненцы ждали долгие годы: на месте утраченного храма в центре города был установлен Поклонный крест, освященный епископами Гродненской православной и католической епархий. Храм был основан князем Витовтом в 1389 году и взорван в 1961-м. За прошедшие годы был и католическим, и православным. Памятный знак символически – две полуразрушенные арки с крестами, прорисовившись друг другу, сливаются в единый христианский колокол.

ФОТО БЕЛТА

ваться тому, что живут в мире и не делят землю – «для своих и чужих». В Беларуси мои корни, наша семья жила на Минщине. Родители уехали в Казахстан осваивать целину, когда мне было два года, потом перебрались на Алтай. И мне всегда хотелось увидеть Беларусь, о которой они так душевно рассказывали. А с возрастом и вовсе появилась тяга ко всему белорусскому. Я рада, что мне удалось воплотить свою мечту – создать белорусское землячество на Алтае».

Три дня исторический центр Гродно был творческой площадкой с колоритными национальными подворьями. Чуваш и мордвы показали народный праздник плута и земли Акатуй, венесуэльцы устроили флешмоб «Танцую с Латинской Америкой». На греческом подворье можно было побывать в гостях у древних богов, станцевать сиртаки и хасипико, у палестинцев увидеть национальный свадебный обряд, у иранцев поучиться искусству каллиграфии. На подворьях угощали кулинарными изысками. Редкий гость проходил мимо русской ухи, рядом можно

– Поклонный крест станет знаком нашего покаяния за темные пятна в истории. Покаяние – всегда возрождение, торжество жизни. Пусть это событие будет также знаком нашего стремления к единству, к тому, чтобы на нашей земле никогда не было межконфессиональных и межнациональных конфликтов, – подчеркнул епископ Гродненский и Волковысский Преосвященный Артемий.

Епископ Гродненской католической епархии Александр Кашкевич заметил, что «святым является само место, на котором возвышался величественный храм. Предвечный Бог в своем непознанном нами провидении объединил на месте этой святыни две братские христианские конфессии: католическую и православную». В память о фестивале в Колосском парке города представители диаспор посадили аллею Дружбы народов. Теперь амурский бархат будет расти, соседствуя с экологической магнолией, клонясь к березкам и рябинкам Беларуси.

Елена СЕМЕНОВА

МНЕНИЯ

Владимир КРАВЦОВ, губернатор Гродненской области:
 – Фестиваль национальных культур поддерживает атмосферу толерантности в обществе, учит людей ценить свои корни. Праздник давно стал уникальным явлением не только в культурной жизни Беларуси, но и на всем европейском пространстве. Он позволяет осознать роль государства в сохранении духовных и нравственных идеалов.

Николай КУЗНЕЦОВ, вице-губернатор Смоленской области:
 – Гродно – город, где пересекаются судьбы многих государств и народов. Историческая память не может не влиять на построение общественных отношений, и потому очень важно, чтобы сложившиеся законы культуры развивались и каждая культура находила понимание в единении с другими. Именно это поможет людям понять общемировые ценности.

Никита МАТКОВСКИЙ, Генконсул РФ в Бресте:
 – Горд, что вместе с соотечественниками присоединился к грандиозному шествию национально-культурных объединений. Горожане душевно и уважительно встречали представителей всех национальностей. Такого праздничного настроения я давно не ощущал. Улица, по которой шла фестивальная процессия, с трудом вместила желающих поприветствовать диаспоры.